

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4 (24)

2016

BULLETIN

OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER
OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 4 (24)

2016

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Бурятский научный центр СО РАН»

Главный редактор
академик РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров – председатель
к.и.н. А. В. Дамдинов
акад. РАН А. П. Деревянко
д.и.н., проф. Е. И. Зеленев
чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин
чл.-кор. РАН В. А. Ламин
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный
акад. РАН В. И. Молодин

чл.-кор. РАН В. В. Наумкин
д.мед.н., проф. С. М. Николаев
д.и.н. И. Ф. Попова
д.т.н., проф. А. П. Семенов
д.хим.н., проф. В. В. Хахинов
акад. РАН А. К. Тулохонов
д.б.н., проф. Л. Л. Убугунов
акад. АНМ Т. Дорж

Редакционная коллегия

д.фарм.н., проф. Т. А. Асеева
к.ф.н., доц. Л. Д. Бадмаева
к.и.н. Г. Д. Базарова
д.и.н., проф. М. Н. Балдано
к.и.н. В. Ю. Башкуев – ученый секретарь
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова
к.б.н. И. К. Дамбуева
д.ф.н. Л. С. Дампилова
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков

д.ф.н. Г. А. Дырхеева
д.и.н., проф. Ю. А. Зуляр
д.и.н., проф. С. И. Кузнецов
д.и.н., проф. Л. В. Курас – отв. ред.
д.филол.н., проф. С. Ю. Лепехов
д.э.н. А. С. Михеева
д.и.н. А. М. Плеханова – зам. отв. ред.
к.и.н. С. Чулуун
д.филол.н., проф. Л. Е. Янгутов

Журнал включен в систему РИНЦ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-62112 от 17 июня 2015 г.

ISSN 2222-9175

www.bscnet.ru/vestnik/

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Бурятский научный центр СО РАН», 2016
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2016

Scientific journal
BULLETIN OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS

Founder

Federal State Budgetary Institution of Science
“The Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”

Academician of the RAS B.V. Bazarov

Editorial board

Academician of the RAS B. V. Bazarov – chairman

Cand. Sc. in history A. V. Damdinov

Academician of the RAS A. P. Derevyanko

D. Sc. in history, Prof. E. I. Zelenev

Corresponding member of the RAS N. N. Kradin

Corresponding member of the RAS V. A. Lamin

D. Sc. in history, Prof. E. I. Lishtovanny

Academician of the RAS V. I. Molodin

Corresponding member of the RAS V. V. Naumkin

D. Sc. in medicine, Prof. S. M. Nikolaev

D. Sc. in history I. F. Popova

D. Sc. in technical sciences, Prof. A. P. Semenov

D. Sc. in chemistry, Prof. V. V. Khakhinov

Academician of the RAS A. K. Tulokhonov

D. Sc. in biology, Prof. L. L. Ubugunov

Academician of the Mongolian Academy of Sciences

T. Dorj

Editors

D. Sc. in pharmacology, Prof. T. A. Aseeva

Cand. Sc. in philology, Assoc. prof. L. D. Badmaeva

Cand. Sc. in history G. D. Bazarova

D. Sc. in history, Prof. M. N. Baldano

Cand. Sc. in history V. Yu. Bashkuev – scientific secretary

D. Sc. in history, Prof. Ts. P. Vanchikova

Cand. Sc. in biology I. K. Dambueva

D. Sc. in philology L. S. Dampilova

D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov

D. Sc. in philology G. A. Dyrkheeva

D. Sc. in history, Prof. Yu. A. Zulyar

D. Sc. in history, Prof. S. I. Kuznetsov

D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras – executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. S. Yu. Lepekhov

D. Sc. in economics A. S. Mikheeva

D. Sc. in history A. M. Plekhanova –

deputy executive editor

Cand. Sc. in history S. Chuluun

D. Sc. in philosophy, Prof. L. E. Yangutov

The journal is included into Russian Science Citation Index

*The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media*

Mass media registration certificate III № ФС77-62112 of 17 June 2015

www.bscnet.ru/vestnik/

ISSN 2222-9175

© Federal State Budgetary Institution of Science
“The Buryat Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences”, 2016
© Buryat Scientific Center of SB RAS Press, 2016

УДК 94
ББК 63.31(5)

Н. А. Вуль

ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЙСКИХ ВОЕННЫХ КРУГОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В статье рассматривается механизм интеграции китайских военных кругов в политический процесс, происходившей на рубеже XIX–XX вв. Данная интеграция стала одной из важнейших предпосылок наступления в Китае эпохи милитаризма, в свою очередь оказавшего существенное влияние на всю дальнейшую историю Китая.

Ключевые слова: армия, милитаризация, политизация, элиты, Китай.

N. A. Vul

THE INTEGRATION OF CHINESE MILITARY CIRCLES IN THE POLITICAL PROCESSES, 1890S–1910S

This paper analyses the process of integration of Chinese military circles in the political process in the 1890s–1910s. This integration turned out to be one of the main prerequisites of the Warlord era in China, which in its turn significantly influenced the history of this country.

Keywords: army, militarization, politicization, elites, China.

В настоящее время большинство интерпретаций, объясняющих причины, лежащие в основе вмешательства военных в политический процесс, можно разделить на три категории. Согласно первой интерпретации, вмешательство военных в политику объясняется наличием четкой иерархической структуры армии, а также военно-технического оснащения, что облегчает процесс захвата власти. Согласно второй интерпретации, власть попадает в руки военных в результате коллапса власти гражданской. В соответствии с третьей точкой зрения, захват власти военными объясняется личностным фактором – организаторы военных переворотов действуют, в первую очередь преследуя свои собственные интересы [19, p. 5].

Именно крах Цинской империи в 1911 г. и провал гражданских инициатив, направленных на создание в Китае новой политической системы, привел к власти военные круги, что послужило началом

эры милитаризма, в свою очередь оказавшего огромное влияние на всю последующую историю Китая. Эта эпоха во многом определила силовой механизм разрешения конфликтов, ведь впоследствии сам Мао Цзэдун отмечал, что «винтовка рождает власть».

Участие армейских кругов в разрешении национального кризиса не является чисто китайской спецификой. Подобные процессы стали характерной особенностью исторического развития многих стран Азии, Африки и Южной Америки, однако именно Китай стал одним из первых государств, где в результате кризиса гражданской власти военные предприняли попытку взять власть в свои руки. Таким образом, изучение предпосылок, сделавших эпоху милитаризма в Китае возможной, имеет огромное значение для более глубокого понимания и анализа событий, происходивших как в ранне-республиканский период истории Китая, так и после него, а также аналогичных

процессов, протекавших в других странах мира. Одной из важнейших подобных предпосылок является интеграция китайских военных кругов в политический процесс на рубеже XIX–XX вв. Задача настоящей статьи – рассмотреть, как именно происходил процесс данной интеграции, как начали формироваться политические амбиции в военной среде и сколь массовым был данный процесс.

Агрессивная политика великих держав по отношению к Китаю и неспособность Средней империи дать ей адекватный ответ подтолкнули цинское правительство к осознанию необходимости структурных реформ, затрагивающих все сферы жизни страны, в первую очередь – военную. Унизительное поражение в японско-китайской войне, нанесшее тяжкий удар по национальному духу, дало решительный толчок к всесторонним преобразованиям в военной сфере. Начало этим преобразованиям было положено в 1895 г. Именно тогда в Нанкине была основана Армия самоусиления (Цзыцянцзюнь) и Вновь созданная армия (Синьцзянцзюнь) в столичной провинции Чжили. Южная армия, «Армия самоусиления», была сформирована в противовес Вновь созданной армии, что вполне соответствовало традиционной китайской политике сдержек и противовесов [1].

В Армию самоусиления набирались лица в возрасте от 16 до 60 лет. Они происходили из крестьянских семей и должны были проживать в окрестностях Нанкина, чтобы вербовщики могли проверить их прошлое. Предполагалось, по крайней мере в теории, что за каждого новобранца были обязаны поручиться соседи, родственники и главы деревень. Кроме того, рекруты перед зачислением в Армию самоусиления проходили медицинский осмотр, который проводил иностранный врач. Ряд исследователей высказывали сомнения, что «всякий и каждый новобранец проходил все без исключения этапы отбора», однако сам факт наличия строгого отбора красноречиво сви-

детельствует о серьезности намерений возглавившего армию Чжана Чжидуна, занимавшего пост генерал-губернатора провинций Хунань и Хубэй [12, р. 371]. Когда Юань Шикай после восстания ихэтуаней приступил к модернизации вооруженных сил провинции Чжили, он также ввел строгую систему отбора новобранцев. По его требованиям они должны были быть выше метра шестидесяти сантиметров ростом, способны пробегать за час десять километров и не иметь судимостей [13, р. 113].

Все эти армии имели принципиальное отличие от существовавших ранее аналогов – в организационном плане они воспроизводили вооруженные силы западных стран, что стало значительным шагом вперед по сравнению с примитивной пирамидальной структурой даже самых передовых войсковых соединений прошлого, например Хуайской армии [11]. Будучи сформированными по германским лекалам, Армия самоусиления и Вновь созданная армия имели деление на роды войск (пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные войска и части обеспечения тыла). Наряду с этим они располагали четкой централизацией и координацией всех подразделений, что свидетельствует о наличии довольно разветвленного и современного по меркам того времени аппарата управления внутри армии нового типа.

После того как цинское правительство сочло эксперимент с Армией самоусиления и Вновь созданной армией успешным, оно приняло решение сформировать по их образцу так называемую Новую армию (Синьцзюнь), подразделения которой должны были быть дислоцированы в каждой провинции. В конце 1903 г. для осуществления контроля над ходом военной реформы китайское правительство сформировало комиссию по реорганизации армии (Ляньбинчу). В августе 1904 г. эта комиссия выпустила серию постановлений, обязывавших создать в каждой провинции армейские школы с 3-летним курсом обучения, в ко-

торых предстояло преподавать азы воинского искусства. Для выпускников этих школ предполагалось открыть военные училища с 2-годовалым курсом обучения в провинциях Чжили, Шэньси, Цзянсу и Хубей. Кроме того, в Пекине предстояло открыть военную академию и военный колледж, срок обучения в которых составлял 18 месяцев и 2 года соответственно [12, р. 373]. В 1906 г. комиссия по реорганизации армии приняла 10-летний план развития вооруженных сил. Этот план определял, сколько дивизий западного образца должно размещаться в каждой из провинций и указывал, что в общей сложности в масштабах страны таких дивизий Новой армии должно быть 36 [10, р. 38]. Согласно постановлению комиссии, формирование новых частей в каждой конкретной провинции следовало проводить посредством привлечения на службу в первую очередь местных жителей. Подобный принцип формирования частей сыграл одну из определяющих ролей в распаде Китая после Синхайской революции [7, р. 58а–59а].

Главной ударной силой среди воинских соединений нового типа стала Бэйянская армия, формированием которой занимался Юань Шикай в столичной провинции Чжили, губернатором которой он стал в 1901 г. после смерти своего покровителя Ли Хунчжана. До сих пор немало споров вызывает вопрос о степени влияния Юань Шикая в Бэйянской армии и насколько эта армия была предана лично ему. Так, например, Стивен Маккинон утверждает, что власть Юань Шикая над Бэйянской армией была ограничена. При том что Юань Шикай пользовался несомненным влиянием в армии, рычаги управления как с финансовой, так и с административной точек зрения находились в руках центрального аппарата в Пекине, на основании чего Маккинон утверждает, что Бэйянскую армию никак нельзя назвать «личной» армией Юань Шикая [17, р. 406; 18, р. 91]. С точки зрения Маккинона, офицеры Бэйянской армии были преданны Юань Ши-

каю не по личным мотивам, а из соображений практической целесообразности. «Степень влияния Юань Шикая в армии зависела от прочности его позиций в Пекине при дворе» [17, р. 406, 422]. С этим утверждением сложно согласиться. За внушительными денежными вливаниями в Бэйянскую армию крылась отнюдь не щедрость императорского двора, а неизменные усилия Юань Шикая, направленные на обеспечение этого бесперебойного финансирования. Эти усилия не были секретом для личного состава и способствовали укреплению личного авторитета Юань Шикая среди солдат и офицеров.

С целью обеспечения максимального контроля над Бэйянской армией Юань Шикай регулярно проводил перетасовки командного состава, перевода с должности на должность командиров дивизий, опасаясь излишнего роста их влияния во вверенных им частях. При этом командиры, наиболее преданные Юань Шикаю и располагавшие наибольшим кредитом доверия в его глазах, неизменно оказывались во главе самых боеспособных и наилучшим образом оснащенных дивизий [4, р. 79; III]. Даже Маккинон вынужден признать, что «Структура Бэйянской армии с организационной точки зрения была построена так, чтобы максимально увеличить степень зависимости этой армии от Юань Шикая» [17, р. 414]. Более того, современники сообщают, что портрет Юань Шикая, висевший в одной из казарм, являлся объектом поклонения – солдатам вменялось в обязанность возжигать перед ним благовония [21, р. 76]. Даже после того, как со смертью вдовствующей императрицы Цыси Юань Шикай впал в немилость, был отстранен от командования в январе 1909 г., и удален на 3 года в деревню Хуаньшан, бывшие подчиненные держали его в курсе о происходящем в армии и столице. Безусловно, это свидетельствует о том, что как минимум часть высшего командного состава была лично предана Юань Шикаю [13, р. 185]. Разумеется, соеди-

нения Бэйянской армии не являлись его личными вооруженными силами, однако степень контроля Шикая над ними была такова, что историк Ли Цзунъи считал правомочным назвать Бэйянскую армию «получастной армией Юань Шикая» [14, р. 57]. Несмотря на то что Юань Шикай до Синьхайской революции не мог в открытую бросить вызов центральным властям в Пекине, он сумел обрести в наиболее боеспособных частях китайской армии значительный авторитет и влияние, что позволило ему после падения монархии достаточно быстро взять власть в свои руки.

Появление политических амбиций у представителей армейских кругов и вовлечение военных в политическую жизнь стало процессом, затронувшим не только верхушку силовых структур Китая. Это также коснулось среднего и низового армейского звена. Своеобразным катализатором данного явления стала социальная трансформация, происходившая в среде личного состава частей нового образца и не имевшая аналогов ни в Знаменных войсках, ни в Хунаньской армии Цзэн Гофаня. В новых, только что открывшихся военных училищах главное внимание уделялось не физическому развитию слушателей, а их умственным способностям, что неизбежно способствовало росту престижа военной службы в глазах китайского общества [IV]. Требования, предъявляемые к поступающим, становились все более и более строгими. Начало этому процессу было положено в 1905 г., когда, в соответствии с новыми правилами, соискателей обязывали иметь как минимум среднее образование. Приблизительно с этого времени даже командиры рот стали назначаться из представителей обеспеченных семей, которые могли позволить себе отправить своих сыновей на учебу в школу. Престиж армейской службы и военных академий вырос еще больше, когда туда стали поступать члены императорской семьи и дети высокопоставленных чиновников, желавших таким образом продемонстрировать всю

важность и необходимость проводящихся в стране военных реформ. С отменой традиционной экзаменационной системы в 1905 г. поток отпрысков элиты, поступавших на службу в части нового образца, значительно увеличился, что привело к еще большему росту стоимости обучения в школах. С другой стороны, новый виток военных реформ 1907 г., затронувших сферу обучения и подготовки офицерского состава, создал систему социальных лифтов для талантливых представителей молодежи, которые не могли похвастаться знатностью своего происхождения или чрезмерным богатством семьи. По сравнению с гражданскими образовательными учреждениями, срок обучения в военных училищах был меньше, а значит, обучение было дешевле [6, р. 14]. Кроме того, выпускники военных училищ и академий могли рассчитывать на постоянный и достаточно большой источник дохода, а также имели перед собой четкие карьерные перспективы. Отмена традиционной экзаменационной системы повлекла за собой еще одно крайне важное последствие: она ликвидировала основной механизм пополнения рядов могущественной гражданской бюрократии, являвшейся фундаментом традиционного китайского государства, а ведь для нее одним из основополагающих принципов являлось подчиненное положение военных [15, р. 194]. Расходящаяся волна набирающих силу в Китае националистических настроений стала еще одним фактором, объясняющим, почему многие из тех, кто ранее предпочел бы гражданскую службу, все же остановил свой выбор на военной карьере. Отношение к воинской службе резко изменилось после японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда многие в Китае осознали, сколь велика опасность, которую являют собой с военной и экономической точек зрения великие державы [12, р. 373].

Таким образом, в вооруженных силах достаточно быстро начала складываться прослойка молодых образованных представителей элиты. Как отмечает

американский историк Питер Зарроу: «...в позднецинскую эпоху наметился значительный рост престижа военной службы, в результате чего карьера в вооруженных силах стала для очень многих вполне приемлемым вариантом, привлекавшим идеалистически настроенных, честолюбивых и одаренных людей» [22, р. 90]. Складывавшееся положение кардинальным образом отличалось от ситуации, типичной для предыдущих столетий, когда популярность службы в армии была крайне невысока.

Одной из особенностей новой прослойки в армии являлось ее желание самым активным образом принимать участие в политических процессах, происходящих внутри страны. Отстраненное наблюдение за действиями государственного аппарата новую элиту больше не устраивало. Традиционно все политические инициативы в Китае исходили непосредственно от властного центра в Пекине. В начале XX в. часть военной элиты, не имевшая доступа к рычагам власти, начала проявлять все большую активность, будучи недовольной темпом и масштабами тех реформ, что инициировала центральная власть. Наиболее яркими сторонниками преобразований являлись те, кто имел опыт обучения за рубежом. Несмотря на то что количество студентов, прошедших через учебные заведения США и Европы, было относительно невелико, число обучающихся в Японии быстрыми темпами росло: с нескольких сотен в 90-х гг. XIX в. оно увеличилось до 12 тысяч к 1906 г., причем 10 % от этого числа являлись слушателями военных академий и училищ. Как и многие другие китайские студенты, эти слушатели заграничных военных академий вступали в политические кружки, в которых изучались западные политические и государственные системы и горячо обсуждалась возможность переноса западного опыта государственного строительства на китайскую почву. Таким образом, в ходе этих дебатов вырабатывались планы реформ и государственных преобразований

[V]. После возвращения домой, будучи выпускниками японских военных академий, что считалось очень престижным, так как качество образования в них значительно превосходило китайское, бывшие студенты и кадеты достаточно легко получали назначения либо на преподавательские должности в военные училища Китая, либо на командные должности в части Новой армии. Уже в этом, новом качестве они приступали к распространению среди подчиненных идей и взглядов, приобретенных во времена студенчества в ходе дискуссий в политических кружках [VI].

Как это ни парадоксально, в результате военных реформ цинскому правительству так и не удалось сформировать единую, сильную армию с централизованным командованием. В первую очередь этому помешала традиционная система сдержек и противовесов, препятствовавшая созданию единого центра силы, способного, пусть даже теоретически, противопоставить себя центральной власти. В результате этого после Синхайской революции армия не смогла сыграть роль единой силы, способной взять на себя задачу удержания страны от распада. Вместо этого в ней образовалось несколько крупных и около десятка мелких группировок, каждая из которых отстаивала свои интересы.

Немаловажную роль в ускорении процесса регионализации сыграл и указ от 19 октября 1907 г., санкционировавший учреждение совещательных комитетов в провинциях. В ряде провинций (Цзянсу, Цзянси, Гуандун, Гуанси) местные элиты сразу же после этого октябрьского указа сформировали данные совещательные комитеты самостоятельно, не дожидаясь подробных инструкций и положений, которые центральное правительство обнародовало только в 1908 г.

Данные провинциальные совещательные комитеты сразу после формирования приступили к работе, немедленно превратившись в площадку для выражения недовольства действиями

центральных властей. С помощью этих совещательных комитетов провинциальные элиты пытались отстаивать свои интересы, находившиеся в противоречии с интересами правительства. Кроме этого, еще одна немаловажная роль данных комитетов заключалась в том, что они придавали дополнительную легитимность власти местных элит. Цинский двор достаточно быстро обнаружил, что контролировать местные провинциальные центры силы становится все сложнее. Ситуация весьма напоминала ту, что складывалась в эпоху Весны и Осени и о которой емко и метко сказано в памятнике исторической прозы Древнего Китая «Цзо-чжуань»: «хвост стал настолько большим, что им было уже невозможно влить» [16, р. 39–40; 20, р. 211].

Синьхайская революция привела к образованию так называемого «вакуума власти», который оперативно заполнили представители военных кругов. Крах династии привел к ликвидации того единственного вида государственного строя, суть которого была понятна простому народу, а, главное, военным [5, р. 567]. Через полтора месяца после Синьхайской революции все южные и центральные провинции Китая, а также часть северо-западных провинций отказались подчиняться центральным властям в Пекине. Практически во всех случаях новые правительства каждой из провинций возглавляли выходцы из военных кругов. По сути дела, местные элиты вышли из-под контроля центральных властей, сохранив политическое и экономическое доминирование на местном уровне, не проявив при этом значительного интереса к делу революции [9, р. 162; VII].

В том случае, если бы в Китае имелась единая армия с централизованным командованием, подобное ослабление властного центра и стремительное усиление провинциальных элит вряд ли стало бы возможным. Китай вошел в новую эпоху с армией, лишенной централизованной структуры, состоящей из разномасштабных, никак не связанных между со-

бой частей и элементов. Подразделения, набравшиеся из числа жителей провинций, в которых они впоследствии и несли воинскую службу, и подчас финансировавшиеся из бюджетов провинций, были преданы в первую очередь своим командирам, в результате чего военные, вставшие во главе провинциальных правительств после революции, по сути дела имели в своем распоряжении частные армии [16, р. 47]. Эти частные армии в сочетании с «вакуумом власти» и процессом регионализации, подстегнутым введением провинциальных совещательных комитетов, ускорили милитаризацию общества.

Русский дипломат И. Я. Коростовец в одном из своих донесений от 10 апреля (28 марта) 1911 г. писал, что «...никогда в Китае до сих пор так открыто и с высоты престола не восхвалялся милитаризм». Далее он отмечает, что, невзирая на традиционно пренебрежительное отношение к воинскому искусству, «к Китаю все менее и менее можно относиться как к исключительно мирной стране» [2, с. 241]. Через полгода после того, как И. Я. Коростовец представил на рассмотрение это донесение, цинская династия пала и перед китайским обществом «встали новые главные задачи: как прижать этот труп земле и кого поставить во главе государства» [9, р. 161]. Впереди Китай ждали первые годы республики, тревожное время, когда окончательно завершился процесс, начавшийся в 1890–1910 гг. Именно в первые годы республики армейские круги окончательно сменили свою роль, перестав быть опорой власти, они сами взяли власть в свои руки [1, с. 208]. Именно тогда окончательно завершилось формирование военных клик, породивших эпоху милитаризма. Все это вряд ли было бы возможным без предварительной интеграции военных кругов в политический процесс на рубеже XIX–XX вв. Политизация китайских вооруженных сил, и в первую очередь их верхушки, происходившая в первое десятилетие XX в., являлась массовым

процессом, затронувшим всю китайскую элиту, неотъемлемой частью которой являлся командный состав китайской армии, пополнявшейся как раз за счет выходцев из гражданской элиты. Революция 1911 г. еще больше подстегнула дальнейший процесс политизации воен-

ных кругов, а опора на армию для реализации политических целей в первые годы существования республики во многом предопределила наступление эпохи милитаризма [19, p. 79].

Примечания

I. Несколько позже, в 1901 г., противоречия между руководителями эти воинских группировок обострились в силу того, что Юань Шикай, стоявший во главе «Вновь созданной армии», принял под свое командование часть «Армии самоусиления», снискав в лице ее основателя Чжана Чжидуна заклятого врага [4, p. 73].

II. В донесении от 26 апреля 1876 г. русский посланник Е. К. Бюцов отмечал, что несмотря на обучение части солдат и офицеров Хуайской армии обращению с современным оружием, ее «старинная китайская организация» осталась практически без изменений, в результате чего это войско представляло собой «не что иное, как иррегулярное скопище, отличающееся слабостью дисциплины, совершенным отсутствием офицеров со специальным образованием и весьма первобытную организацией различных частей военного управления» [2, с. 223].

III. Подобная деятельность Юань Шикая не ограничивалась Бэйянской армией. Так, благодаря усилиям Юань Шикая два департамента Комиссии по реорганизации армии возглавили его протеже: Дуань Цижуй стал начальником департамента военных приказов (*цзюньлинсы*), а Ван Шичжэнь – департамента военного образования (*цзюньсюэсы*). Впоследствии эти два человека стали ключевыми фигурами Бэйянской милитаристской клики [11, p. 44].

IV. Одно из подобных училищ «Луцзюнь гуйчжоу сюэтан» было открыто в Пекине 27 мая 1906 г. [10, p. 07]

V. В частности, в 1903 г., в Японии была открыто военное училище Синбу Гакко, ориентированное исключительно на китайских слушателей. До его закрытия в 1914 г. там прошло обучение около тысячи человек [3, p. 59].

VI. Например, правительство провинции Хунань не располагало средствами, достаточными для найма немецких или японских преподавателей, потому вместо них в военных училищах преподавали китайцы, окончившие аналогичные учебные заведения в Японии [23, p. 106].

VII. В качестве примера можно привести «Декларацию о независимости, выпущенную в Чэнду военным правительством Сычуани». Заявления военного правительства о Конституции и будущем Китая представляются достаточно общими и обтекаемыми. Вполне возможно, это было сделано намеренно, чтобы, с одной стороны, избежать немедленного конфликта с революционерами-радикалами, с другой – выиграть время, чтобы понять какие последствия повлечет за собой падение цинской династии [8, p. 511–512].

Литература

1. *Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / ИВ РАН. – М.: Восточная литература, 1999. – 333 с.
2. *Хохлов А. Н.* Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы истории и историографии Китая. – М.: Наука, 1968. – С. 203–242.
3. *Bailey P. J.* China in the Twentieth Century. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – 286 p.
4. *Ch'en J.* Yuan Shih-k'ai, 1859–1916: Brutus assumes the purple. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961. – 290 p.
5. *Ch'en J.* Defining Chinese Warlords and Their Factions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 1968. – Vol. 31. – № 3. – P. 563–600.

6. *Ch'en J.* The military-gentry coalition: China under the warlords. – Toronto: University of Toronto-York University Joint Centre on Modern East Asia, 1979. – 201 p.
7. *Da Qing Guangxu xinfaling* [Новые законы Гуансюя (правителя) Великой Цин]. Т. 14. – Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1909.
8. *Dai Zhili.* Sichuan baolu yundong shiliao [Движение за защиту железных дорог в Сычуани – исторические источники]. – Beijing: Kexue chubanshe, 1959. – 548 p.
9. *Fairbank J. K.* The great Chinese revolution, 1800–1985. – N. Y.: Harper & Row, 1986. – 396 p.
10. *Gao Rui.* Zhongguo junshi shilue [Краткая военная история Китая]. Т. 3. – Beijing: Junshi kexue chubanshe, 1992. – 528 p.
11. *Guo Jianlin.* Beiyang zhengfu jianshi [Краткая история Бэйянского правительства]. Т. 1. – Tianjin: Tianjin guji chubanshe, 2000. – 670 p.
12. *Hatano Y.* The New Armies // China in revolution: the first phase, 1900–1913. – New Haven: Yale University Press, 1968. – P. 365–382.
13. *Lai Xinxia.* Beiyang junfa shi [История Бэйяньских милитаристов]. Т. 1. – Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 2000. – 619 p.
14. *Li Zongyi.* Yuan Shikai zhuan [Биография Юань Шикая]. – Beijing: Zhonghua shuju, 1980. – 321 p.
15. *Powell, R. L.* The rise of Chinese military power, 1895–1912. – Princeton; N. J.: Princeton University Press, 1955. – 383 p.
16. *Sheridan J. E.* China in disintegration. The Republican Era in Chinese History, 1912–1949. – N. Y.; London: Free Press, 1975. – 338 p.
17. *MacKinnon S. R.* The Peiyang Army, Yuan Shikai, and the Origins of Modern Chinese Warlordism // Journal of Asian Studies. – Vol. 32. №. – 1973. – P. 405–423.
18. *MacKinnon S. R.* Power and Politics in Late Imperial China: Yuan Shikai in Beijing and Tianjin, 1901–1908. – Berkeley: University of California Press, 1980. – 260 p.
19. *McCord, E. A.* The power of the gun: the emergence of modern Chinese warlordism. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 436 p.
20. *Vinacke H. M.* A History of the Far East in Modern Times. – N. Y.: F. S. Crofts & Co., 1945. – 641 p.
21. Yuan Shikai yishi [Биография Юань Шикая в историях]. – Shanghai: Wenyi bianyishe, 1916.
22. *Zarrow P. G.* China in war and revolution, 1895–1949. – London: Routledge, 2005. – 411 p.
23. *Zhang Pengyuan.* Qing mo min chu Hunan de junshi biange [Изменения в военной сфере в Хунани в позднецинский – раннереспубликанский период] // Zhongyang yanjiuyuan jindai-shi yanjiusuo jikan [Вестник Института современной истории Академии Синика]. – 1982. – № 11. – P. 101–116.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 4 (24)

Выходит 4 раза в год

Редактор *А. Е. Болонев, Е. И. Борисова*
Художник *Д. Т. Олов*
Компьютерная верстка и макет – *Д. Д. Дашинимаева*

Редакционно-издательский отдел
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 28.11.2016.
Дата выхода 27.12.2016.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,74. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 200. Заказ № 15.
Цена свободная.